

УДК 398.21

DOI 10.22162/2500-1523-2017-11-102-112

**Заемствованная лексика в волшебных сказках
калмыков**
Loanwords in Magic Fairy Tales of the Kalmyks

*Д. В. Убушиева (D. Ubushieva)*¹

¹ научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ubushievadv@kigiran.com

Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ubushievadv@kigiran.com

Аннотация. В статье рассматривается заимствованная лексика в калмыцком языке на материале отдельных сюжетов волшебных сказок. Выявлено, что тексты сказок, записанные в XIX в., отражают заимствованную лексику из санскритского, тибетского, китайского языков, а также из языков тюркской группы. В более поздних записях сказок встречены единичные прямые заимствования из русского языка, отражающие лексику бытового характера. Анализ показал, что тексты сказок, зафиксированные в XX в., в значительной мере утратили устаревшую лексику общемонгольского происхождения и в наименьшей степени содержат заимствования из тюркских языков.

Ключевые слова: заимствованная лексика, калмыцкая народная сказка, запись, сюжет, архив.

Abstract. The article examines borrowed vocabulary in Kalmyk as exemplified by a number of magic fairy tale plots. It reveals that fairy tale texts recorded in the 19th century contain loanwords borrowed from Sanskrit, Tibetan, Chinese, and some Turkic languages. The fairy tales recorded later contain isolated culture-specific household terms borrowed directly from Russian. The analysis shows that fairy tale texts recorded in the 20th century had largely lost the obsolete common Mongolian vocabulary, and have a minimum of Turkic loanwords.

Keywords: borrowed vocabulary, Kalmyk fairy tale, record, plot, archive.

В представленной статье затронуты вопросы взаимодействия калмыцкого языка с другими языками, которые повлияли и влияют на его функционирование. Рассматривается взаимодействие языков, происходящее посредством заимствований, проникших из монгольских, тюркских, русского языков и др. Описывается заимствованная лексика на материале отдельных текстов калмыцких волшебных сказок, включенных в том «Калмыцкие волшебные сказки» Свода калмыцкого фольклора (далее — Том). В данном Томе представлены образцы калмыцких народных сказок, записанных в разные периоды на протяжении XIX–XX столетий собирателями калмыцкого народного творчества. Среди них венгерский ученый Г. Балинт (1844–1913), российский монголовед А. М. Позднеев (1851–1920), русский собиратель И. И. Попов (?–?), финский ученый Г. Й. Рамстедт (1873–1950), польский исследователь В. Л. Котвич (1872–1944), чьими трудами, стараниями зафиксирован и сохранен до настоящего времени ценнейший сказочный фонд калмыцкого народа. Также в Томе представлены тексты сказок из фондов Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (далее — НА КалмНЦ РАН, ранее КНИИЯЛИ, КНИИФЭ, КИГИ РАН), записи которых произведены Ц.-Д. Номинхановым, Н. Ц. Биткеевым, Э. Б. Оваловым, Н. Н. Убушаевым и другими.

Взаимодействие калмыцкого языка с другими языками и их влияние на калмыцкий язык ранее изучались калмыцкими учеными. Это работы А. Ш. Кичикова [1963], И. К. Илишкина [1972], Ц.-Д. Номинханова [1975], Л. Б. Олядыковой [2007] и других исследователей.

Ц.-Д. Номинхановым подробно освещены вопросы «калмыцких и тюркских именных соответствий». Автор обращает внимание на «...категории лексики именных соответствий: а) человек / части тела, родство, одежда, пища, жилище, огонь и др.; б) экономика / дикие и домашние животные, птицы и др.; в) природа / земля, вода, явление природы и др.», которые свидетельствуют о тесных контактах монголов и тюрков. Исследователем выявлено большое количество заимствований из тюркских языков, которые сохранились в калмыцком языке [Номинханов 1975: 5].

На сегодняшний день проблемам заимствованной лексики в калмыцком языке посвящены работы ведущего алтаиста В. И. Расса-

дина. Им исследованы заимствования в калмыцком языке, вошедшие из тюркских языков. В. И. Рассадин отмечает: «... в калмыцком языке имеется множество слов общемонгольского характера, тюркское происхождение которых не вызывает сомнения, поскольку их этимология представлена в тюркских языках, в монгольских же языках они существуют изолированно, и их внутренняя форма никак не объясняется» [Рассадин, Трофимова 2014: 38]. Наряду с тюркизмами общемонгольского характера, исследователем выявлены свыше ста лексем «собственно калмыцких тюркизмов», которых нет в других монгольских языках. Кроме того, В. И. Рассадиным установлено, что наибольшее количество тюркизмов встречается в дербетском говоре калмыцкого языка [Рассадин, Трофимова 2014: 43].

В. В. Кукановой и В. М. Трофимовым также исследуются заимствования из тюркских языков. В своей работе авторы рассмотрели тюркские элементы в составе флористической лексики калмыцкого языка и выявили большое количество параллелей среди названий деревьев, кустарников, бахчевых и огородных растений [Куканова, Трофимов 2016].

Б. А. Шурунговой в работе «Русские заимствования в калмыцком языке» [Шурунгова 2004] рассмотрены проблемы влияния русского языка на развитие и обогащение калмыцкой лексики, вопросы адаптации русских элементов в фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом аспектах, вхождения их в структуру калмыцкого языка. Автор также выделяет следующие периоды в истории проникновения в калмыцкий язык русизмов: а) дореволюционный, когда заимствования проникали устным путем; б) послереволюционный период, когда заимствования интенсивно проникали устным и письменным путем [Шурунгова 2004: 19].

А. Т. Хараева в работе «Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материалах официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников)» отмечает важность изучения именно русизмов в калмыцком языке, «которые обусловлены изолированным развитием калмыцкого языка (от других родственных монгольских языков) за последние четыреста лет» [Хараева 2013: 3]. Автором на материале исторических документов изучаются русские заимствованные слова в калмыцком языке

XVIII в., определены тематические группы заимствованных слов, характер и степень их фонетической и грамматической адаптации, раскрыты основные причины, способствовавшие их появлению в калмыцком языке, и влияние русского языка на официально-деловой стиль калмыцкого языка [Хараева 2013: 3–4].

Как отмечает В. И. Рассадин: «Калмыцкий язык, будучи одним из языков монгольской группы, а именно ойратской, относительно недавно выделившийся из ее состава, развивался, как и остальные монгольские языки, испытывая все исторические перипетии, выпавшие на их долю, поэтому и в калмыцком языке мы argioi можем найти как элементы, оставшиеся от праалтайского состояния, так и элементы, заимствованные из различных алтайских и не алтайских языков, с которыми контактировали носители калмыцкого языка в процессе своего исторического развития» [Рассадин, Трофимова 2014: 37].

Наиболее информативно эти контакты отражены в сказочной традиции калмыцкого народа. Сказка наиболее ярко отражает язык фольклорного текста. Калмыцкая сказка сохранила в себе большой пласт архаичной общемонгольской лексики, в записях сказок, относящихся к XIX в., множество примеров устаревшей лексики, которая в современном калмыцком языке малопродуктивна или же вовсе исчезла. При этом в калмыцких сказках сохранилось множество заимствований из тюркских языков, отражающих тесные контакты более раннего периода. Образцы сказок поздней фиксации отражают более чем четырехсотлетнюю связь калмыцкого и русского народов, язык фольклорных текстов данного времени богат русизмами.

Следует отметить исследования, рассматривающие непосредственно язык калмыцкой народной сказки. Среди них исследование С. С. Бадмаевой, посвященное выявлению «языковой специфики сказок монгольских народов, модели описания фольклорного слова и текста в монгольских языках при последовательном сопоставлении их лексико-стилистических и лингвопоэтических параметров» [Бадмаева 2004: 4]. Автор отмечает: «Язык сказки — это не только определенная подсистема языка фольклора и — шире — общенародного языка, но и система языковых образных средств, используемых для выражения художественного замысла, создания эмоциональ-

ного настроения и аксиологической оценки: синонимы, антонимы, эпитеты, сравнения, гиперболы и литоты» [Бадмаева 2004: 4]. Из заимствованной лексики, зафиксированной в сказочном фонде монгольских народов, исследовательницей выделены тюркизмы, русизмы, китаизмы, арабизмы, персизмы и заимствования из санскрита и тибетского языка.

Также изучению языка сказок посвящена работа Т. В. Бураевой, которая на материале калмыцких народных сказок, зафиксированных Г. Й. Рамстедтом, выявила следующее: «... в языке исследуемых сказок отразились основные особенности дербетского говора, некоторые из них уже утрачены за столетний период развития языка; язык сказок характеризуется близостью к разговорному языку, но имеет более сложную художественно обработанную структуру. Вместе с тем он отличается и от литературного языка; лексический состав сказок содержит исконно калмыцкие слова и заимствования из русского, китайского, тибетского, санскритского, персидского, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков; по категориально-грамматическому признаку словоформы, содержащиеся в сказках, отражают морфологическую систему языка в период их бытования; синтаксис сказок отражает специфические конструкции, иногда резко отличающиеся от норм литературного языка» [Бураева 2006: 4–5]. Следует заметить, что сказки были записаны Г. Й. Рамстедтом в 1903 г. в Малодербетовском улусе при хуруле Бааза-бакши Менкеджуева. К ученому был приставлен Босхомджи-гелюнг, у которого им были записаны «восемь длинных сказок» [Отчет... 1903: 11].

В настоящей статье нами предпринята попытка выявления и рассмотрения заимствований на примере отдельных сюжетов калмыцкой волшебной сказки, включенных в Том. Отбор сюжетов производился из коллекций Г. Балинта, А. М. Позднеева, И. И. Попова, Г. Й. Рамстедта, В. Л. Котвича, фонда Научного архива КалмНЦ РАН, а также из ранее опубликованных сборников калмыцких народных сказок [Хальмг туульс 1961; 1968; 1972; 1974].

Из коллекции сказок, записанных А. М. Позднеевым, нами отобран сюжет *Байн куунэ арвн долатын тууль* ('Сказка о семнадцатилетнем [сыне] богатого человека')¹ [ЗВОИРАО 18896: 1–17].

¹ В данной статье рассматриваются только те сказки, переводом которых занимался автор статьи.

Вариант данной сказки зафиксирован также Г. Балинтом [Филологические исследования... 2011: 304–314], но выбор образца в записи А. М. Позднеева продиктован тем, что он наиболее полон в сюжетном наполнении. Данный сюжет не имеет соответствий в «Сравнительном указателе сюжетов» (далее — СУС). Десять из тринадцати сказок, зафиксированных А. М. Позднеевым, были записаны среди калмыков в Малодербетовском улусе, другие три (№ 7, 9, 10) записаны в Багацохуровском и Икицохуровском улусах [ЗВОИРАО 1891а: 374].

В содержании сказки в 13-м смысловом абзаце¹ единожды употреблено заимствованное из китайского языка слово *ван*, означающее титул, соответствующий ‘царю’ или ‘королю’. Другой китаизм, который встречается в данной сказке, — *лу* ‘дракон’ — отслезен нами в 18, 19 (2²), 20 (2), 22, 24, 25 (2), 26 (2) смысловых абзацах. Обнаружены единичные заимствования из персидского языка: *шалер* ‘шаровары’, ‘штаны’ 16, 17 (2), из санскритского *жсиндман* ‘волшебный камень’ в 25-м смысловых абзацах.

Венгерским ученым Габором Балинтом в период с сентября 1871 по май 1874 г. были зафиксированы 15 образцов калмыцких сказок среди астраханских калмыков. Помощь в записи ему оказывали учитель калмыцкого языка Шамба Саджирхаев [Церенов 1986: 115], врач Манджин Савгр и студент Мучкан Балдр [Горяева 2017: 43].

Сказки № 5³ *Тарвж хан* (‘Хан Тарваджи’), 14 *Хатрлч хар мортэ хан Йоркр гидг хан хан* (‘Хан, звавшийся Йоркр, [владеющий] черным гарцующим конем’) в записи Г. Балинта, включенные в Том, также содержат заимствованную лексику. Данные образцы не имеют соответствий с сюжетными типами СУС.

В 5-й сказке *Тарвж хан* (‘Хан Тарваджи’) встречены китаизмы: *цэ* ‘чай’ в 4-м смысловом абзаце, *бу* ‘ружье’ в 5-м смысловом абзаце. Также в данном тексте выявлено заимствование из русского языка *баз* ‘баз’ (для скота) в 14, 15-м смысловых абзацах. Тибетизм *лам* ‘буддийских монах’ присутствует в 20, 22-м смысловых абзацах.

¹ Все тексты сказок разбиты нами и пронумерованы по смысловым блокам.

² Здесь и далее в скобках обозначается количество употреблений лексемы.

³ Зафиксированные сказки Г. Балинт дает под сквозной нумерацией и без названий.

14-я сказка *Хатрлч хар мөртэ хан Йоркр гидг хан* ('Хан, звавшийся Йоркр, [владевший] черным гарцующим конем') также содержит заимствованную лексику. Это монголизм *чачр* 'зонт' 11, китаизм *бу* 'ружье' 14, 17 (2).

В Государственном архиве Ростовской области хранятся рукописные материалы, записанные собирателем калмыцкого фольклора И. И. Поповым. Сказки зафиксированы в местности балка Средняя Аюла, ныне Ростовская область, в 1890–1892 гг. Все тексты записаны от донских калмыков. С момента записи сказок прошло немногим более 120 лет, но до настоящего времени не все образцы сказок введены в научный оборот. Восполняя данный пробел, мы отобрали ряд сюжетов волшебных сказок, записанных И. И. Поповым, для включения в Том. В приоритете были сюжеты, не введенные в оборот и не имеющие вариантов в фонде волшебных сказок калмыков.

Из коллекции сказок И. И. Попова в Том включены восемь сказок. Одна из них, сказка № 7¹ *Иван Царевич гидг көвүнд тууль* ('Сказка о юноше Иване царевиче') [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13810], соотносится с сюжетным типом СУС 313 А, В, С. «Чудесное бегство». Обычное начало сказок типа 313 А, В, С — «Война птиц и зверей» (АТ 222 = АА 222 А) или «Мышь и воробей» (СУС 222 В* = АА 222*В). Начинается сюжет эпизодом «Мышь и воробей», заканчивается эпизодом «Забытая невеста».

Имя главного героя сказки *Иван Царевич* упоминается в 7 (3), 8 (3), 10 (3), 11 (2), 12, 17, 25, 29, 30, 31 (2) смысловых абзацах. Данный текст сказки богат русизмами, что свидетельствует о тесных контактах донских калмыков с русским населением, среди которых они проживали.

Также выявлено десять заимствований, отражающих бытовую лексику донских калмыков, в том числе тюркизм: *өдмг* 'хлеб' в 11 (3), 28, 30, 31 (2); общемонгольские заимствования: *буудя* 'зерно' выявлено во 2, 6-м смысловых абзацах, *билцг* 'кольцо' в 13 (2), 15 (2), 16-м, *оньс* 'замок' в 13, 18-м, *өндг* 'яйцо' в 13 (2), 18 (2), *күрз* 'лопата' в 18; русизмы: *труба* 'труба' в 11 (2), *мишиг* 'мешок' в 20-м, *конюшньг* 'конюшня' в 27-м, *землянк* 'землянка' в 34-м.

¹ И. И. Попов, так же как и Г. Балинт, все тексты сказок дает под сквозной нумерацией, названия сказок помещены в конце каждой сказки.

В 29, 30, 31 смысловых абзацах встречены прямые заимствования, как «Чего изволите?» — 29, 30, 31 (2), «Черт зовет» — 29, 30, «Сейчас, голову чешу» — 29, «Сейчас» — 29, «Сейчас, дежу мешаю» — 30, «Иди сюда» — 31, «Дежу мешаю» — 31. Данные фразы и имя главного героя сказки (Иван Царевич) информант, по всей видимости, как кальку перенес из какой-то русской сказки. Необходимо отметить, что И. И. Попов зафиксировал данные фразы и в записи сказки на *тодо бичг* «ясном письме» так, как говорил информант, — на русском языке. Данный текст сказки, изобилующий русизмами, скорее носит заимствованный характер и говорит о хорошем владении русским языком рассказчика этого образца. Наряду с включением большого количества русизмов нами встречены и другие заимствованные слова, отражающие более ранние контакты калмыков. К примеру: из санскритского *harpd* ‘орел’ в 5, 6 (2), 7 (2), 8 (5), 11, 13 (2), 14 смысловых абзацах, из китайского *бу* ‘ружье’ в 7, из монгольского языка обнаружено слово *шүүр* ‘гребень’ в 31 (2), которое в современном калмыцком языке не сохранилось, в данном значении в настоящее время употребляется слово *сам* ‘гребень’, ‘расческа’.

Из НА КалмНЦ РАН рассмотрены две сказки. Из раздела «Чудесный противник» 300–399 на сюжетный тип 327 С. «Ведьма и мальчик» представлена сказка *Бөөжэн* (‘Беджан’). Образец сказки отобран из Фольклорных записей Ц.-Д. Номинханова за 1965 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 14]. Сказка записана от информанта С. У. Долгиной 23 февраля 1965 г. Из заимствованной лексики обнаружен русизм *хаш* ‘каша’ в 1-м смысловом абзаце.

Другая отобранная сказка на сюжетный тип 706 «Безручка» *Делгр* (‘Дельгир’) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 146] представлена из раздела «Прочие чудесные сказки (мотивы)» 700–749. В данной сказке встречено единичное заимствование из русского языка *сумк* ‘сумка’ в 17 (2) смысловом абзаце.

Также в Том включена сказка *Ах-дү долан* (‘Семеро братьев’) [Хальмг туульс 1961: 82–83] из раздела «Чудесная сила или знание (умение)» 650–699 на сюжетный тип 653 «Семь Симеонов». В данном тексте также отслежено единичное заимствование из русского языка *маши* ‘машина’ из 11 (2), 12 (2) смысловых абзацев.

Таким образом, из включенных в Том «Калмыцкие волшебные сказки» «Свода калмыцкого фольклора» образцов нами отслезены тексты, содержащие заимствованную лексику. Если рассматривать данные сказки в хронологическом порядке, по времени их фиксации, то прослеживается, что тексты, записанные в XIX в., отражают заимствованную лексику из санскритского, тибетского, китайского языков и многочисленные заимствования из тюркской языковой группы: *лу* 'дракон', *бу* 'ружье', *шалвр* 'шаровары', 'штаны' и др. По сказкам, зафиксированным И. И. Поповым, можно судить о том, что заимствованная лексика, в частности из русского языка, стала проникать в калмыцкий язык намного чаще в связи с тесными контактами калмыков с русскими, а также с переходом на оседлый образ жизни. К примеру, в обиход калмыков внедрились такие лексемы, как *мишиг* 'мешок', *конюшныг* 'конюшня', *землянк* 'землянка' и другие.

В более поздних записях сказок, хранящихся в НА КалмНЦ РАН, встречены единичные прямые заимствования из русского языка, как *хаиш* 'каша', *сумк* 'сумка', *маши* 'машина' и др., отражающие лексику бытового характера. Следует также отметить, что данные тексты сказок в значительной мере утратили устаревшую лексику общемонгольского происхождения, а также в наименьшей степени содержат заимствования из тюркских языков.

Источники

ГА РО — Государственный архив Ростовской области.

ЗВОИРАО 1891а — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3: Вып. I и II / под ред. В. Р. Розена. СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. 400 с.

ЗВОИРАО 1891б — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 4: 1889 / под ред. В. Р. Розена. СПб.: Тип. Имп. АН, 1890. 466 с.

НА КалмНЦ РАН — Научный архив КалмНЦ РАН.

Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны. Будапешт: Библиотека ВАН; КИГИ РАН, 2011. 380 с. Издание подготовлено А. Бирталан и Т. Г. Басанговой. С. 304–314.

Хальмг туульс. I боть. Элст: Хальмг дегтр *нарһач*, 1961. 220 с.

Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр *нарһач*, 1968. 266 с.

Хальмг туульс. III боть. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1972. 252 с.
Хальмг туульс. IV боть. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1974. 274 с.

Литература

Бадмаева С. С. Язык и стиль сказок монгольских народов (на материале лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 23 с.

Бураева Т. В. Язык калмыцких народных сказок: на материале «Калмыцких сказок» Г. Й. Рамстедта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 22 с.

Бураева Т. В. Диалектная лексика в «Калмыцких сказках» Г. Й. Рамстедта // Чингисхан и судьбы народов Евразии-2: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 11–12 октября 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2007. 584 с.

Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в коллекции Г. Балинта // Культурное наследие Монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора: тез. третьей междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2017 г.). СПб.; Улан-Батор: [б. и.], 2017. С. 43–44.

Илишкин И. К. Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыцко-русского двуязычия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 110 с.

Кичиков А. Ш. Дербетский говор (фонетико-морфологические исследования). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.

Куканова В. В., Трофимов В. М. Тюркские элементы в составе флористической лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 146–155.

Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 327 с.

Олядыкова Л. Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: Джангар, 2007. 407 с.

Отчет д-ра Г. Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1903. № 2. С. 11–14.

Рассадин В. И., Трофимова С. М. Лексика калмыцкого языка сквозь призму тюрко-монгольской лингвистической общности // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10–3. С. 36–45.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Хараева А. Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов

XVIII века и их современников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 31 с.

Церенов В. З. Писал и переводил Шамба Саджирхаев // Теегин герл. 1986. № 1. С. 111–115.

Шурунгова Б. А. Русские заимствования в калмыцком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 19 с.